

УДК 930.22:[(470+571)+(510)]

РОССИЯ И КИТАЙ: ПРАКТИКА ДВУСТОРОННЕЙ ДИПЛОМАТИИ (XVII – XVIII вв.)

Ю.Г. Благодер

Аннотация

В статье рассмотрены документальные свидетельства российских путешественников и дипломатов XVII – XVIII вв. о начальном этапе формирования российско-китайской дипломатической практики. Отмечается, что межгосударственные отношения двух крупнейших держав в исследуемый период сводились к взаимному определению статусов и изучению ценностных категорий каждой из сторон. Приняв за основу записки, дневники, отчеты и другие документы российских подданных, ставших очевидцами событий, происходивших в Китае в период правления династий Мин и Цин, автор характеризует специфику политической деятельности, посольского этикета, церемониала, традиций и этических норм Российской и Китайской империй.

Ключевые слова: дипломатическая практика, российско-китайские отношения, российские посольства в Пекин, дипломатические миссии, И. Петлин, Ф.И. Байков, С. Аблин, Н.Г. Спафарий, Л.В. Измайлов, С.Л. Владиславич-Рагузинский, И.И. Кропотков, ритуал «коуту», аудиенция китайского императора, посольский этикет и церемониал.

Зарубежные контакты высших государственных деятелей – одна из важнейших составных частей дипломатической практики суверенных государств. Визиты на высоком уровне отражают, как правило, состояние политических отношений государств. Важнейшими элементами протокола любой страны являются церемониал, этикет, организация и проведение официальных приемов, которые в международной жизни считаются одной из общепринятых и распространенных форм деятельности дипломатических представительств, средством установления, поддержания и развития контактов дипломатического корпуса с иноземными властями. Российская протокольная служба имеет собственные богатые традиции и глубокие корни. Опыт межгосударственного общения приобретался постепенно, впитывая принятые в иных землях нормы церемониала и этикета. По мере расширения территории государства все большее число народов и сопредельных стран вовлекались в сферу интересов и поле дипломатической деятельности России.

На рубеже XVI – XVII вв. наша страна переживала Смутное время. Несмотря на внутренние противоречия, а возможно и благодаря им, это было время стремительного продвижения Московского государства на Восток. Через всю Сибирь шли «землепроходцы», представители казачьей среды и народов Русского Севера, становившиеся служилыми казаками. За ними следовали купцы и «охочие люди», свободные землепашцы и беглые крестьяне, священники и просто желающие

попытать счастья. По мнению известного китаевода В.В. Малявина, «русская душа всего полнее раскрывается, когда русский человек не держится за то, чем обладает, а вверяет себя новому и неизведанному, живет вольным странником, вечно ускользая от тяжелой десницы государства, от соблазнов цивилизации; так было среди казаков на юге и поморов на севере. Так было и среди первопроходцев на востоке» [1, с. 124–125].

Богатства далекого края заставили понять необходимость изучения и освоения этих огромных земель. Знакомство с Китаем начинается с пространных или кратких рассказов служилых людей, побывавших в монгольских землях, соприкасающихся одновременно и с китайским, и с русским государствами, и беседовавших там с китайскими послами. Опыт подобного рода контактов облегчил восприятие образа жизни людей иной цивилизации, но недостаток достоверных знаний способствовал распространению всякого рода домыслов о нравах и обычаях неведомого восточного народа. В этих повествованиях мы видим стремление противопоставить самих себя «чужакам» и в то же время найти в этих «чужаках» что-то родственное и близкое себе. В отличие от Западной Европы, уже регулярно получавшей донесения из Китая от осевших там миссионеров, главным образом иезуитов, у Московии в XVII веке лишь закладывались основы дальнейшей дипломатической практики, торговых отношений и изучения китайского государства. В этот период занятое обороной страны от иностранных интервентов царское правительство не в силах было уделить должное внимание восточному вопросу, поэтому оно осуществляло лишь общий контроль, а местным воеводам были переданы как судебные-административные права, так и право отправлять посольства в соседние государства.

Первые русские «послы» были людьми разного уровня культуры и писательского таланта. Общая тональность их записок зачастую зависела от характера приема, который был оказан в Пекине, и от политической обстановки. Доверять этим сочинениям следует с осторожностью, но многие сведения, которые мы находим в них, необычайно ценны. Не будучи, как правило, дипломатами, авторы во многом исходили из собственного опыта, описывали диковинные предметы и явления, события и церемонии с точки зрения участников, непосредственных свидетелей, но довольно часто излагали факты, полученные из «третьих рук». В таких случаях гораздо надежнее опираться на Посольские книги – сборники официальной документации, фиксирующей отправление посольств за рубеж. В них входили различные документы: тексты договоров, грамоты монархов, наказы отбывшим за границу дипломатам с подробным перечислением целей и задач посольства, строгими предписаниями относительно норм поведения в чужой стране, указаниями о сборе сведений, важных для Российского государства; здесь же обстоятельно излагались будущие речи послов и их ответы на возможные вопросы иностранцев («Наказные памяти»), подробные отчеты послов, составленные по возвращении («Статейные списки»), записи устных показаний («Сказки»), короткие сообщения о политической обстановке, описания аудиенций и торжественных обедов, протоколы переговоров, списки подарков иностранным владыкам и их приближенным, росписи продовольствия. Выезжающим за рубеж послам также выправлялись специальные документы, подтверждающие их дипломатическую миссию, – так называемые «опасные грамоты».

Личность посла в международном общении считалась неприкосновенной, но в случае военного конфликта это правило не всегда соблюдалось. «Наряду с этим посла снабжали и верительными («верующими») грамотами, которые удостоверяли, что слова посла «суть его государя речь, бо то суть наши речи». Однако в отличие от их современного аналога эти документы не давали полномочий на постоянное представительство при иностранном дворе» [2, с. 154].

Развитие и расширение международной активности, укрепление политических, экономических, культурных связей, а также личных контактов между правителями различных стран требовали создания договоров и соглашений. Одновременно с этим развивались и совершенствовались основанные на традициях международной вежливости, уже выработанные к тому времени принятые нормы и правила, которые необходимо было неукоснительно соблюдать.

Программа визитов иноземных дипломатов включала в себя следующие основные элементы: официальная церемония встречи (проводов) на границе государства, размещение в резиденции, переговоры, подписание документов, возможная поездка по стране. Насыщенность всех мероприятий, предусмотренных программой, их объем, порядок церемониальных действий и уровень участия официальных лиц определялись исходя из основных положений протокольной практики, причем в строгом соответствии с характером того или иного визита.

Официальная церемония встречи китайскими чиновниками гостей в Китае не противоречила указанным требованиям и начиналась на границе. Вот как описывает этот эпизод глава торговой миссии в Китай 1668–1671 гг. С. Аблин: «...от той границы ехали от Китайской каменной стены до ворот полторы недели. А как пришли к воротам, и у тех ворот приказная изба и сидят в ней начальные люди и подьячие, и их пересмотрели, а пересмотря, послали в город с вестью, а им велели быть у ворот. И с той вестью ходили 2 недели, а оне в те поры жили подле городской стены. И приехал де к ним начальной человек да с ним 10 человек и спрашивали у них: от кого и какие люди и с чем они приехали? И они сказались от великого государя послы и торговые люди... А как они к Большому китайскому городу приехали, и у ворот встретил китайского царя боярин, а с ним человек с 30 и больши... и боярин де их спрашивал о здоровье и, их землю едучи, чево у них не утерялось ли? И они де сказали, что, дал бог, ехали здорово и приехали в целости. А после того поил их вином и чаем и взял их, Сетикула с товарищи, в город и поставил на посольский двор каменной» (I, с. 290).

Столетие спустя, проезжая Великую китайскую стену, Л. Ланг, неоднократно выполнявший торговые и дипломатические поручения императора Петра I, отмечает: «Когда мы проезжали ворота, там с правой стороны стояло 70–80 офицеров, опрятно одетых в платье из камки. Они нас встретили очень вежливо и пригласили к себе в кордегардию, согласно китайским обычаям, на чашку чаю и трубку табаку. Слева мы увидели около 30 солдат, выстроенных в ряд с саблями, луками и стрелами, и, также по китайскому обычаю, стояли под ружьем. Отдав дань вежливости китайским офицерам, посидев немного у них, мы проехали еще немного. Нам оставалось полмили до города Калгана, где мандарин, бывший одновременно и комендантом, оказал нам в своем доме гостеприимство» (II, с. 494).

Церемония встречи 1 сентября 1726 г. российского посольского каравана была еще более торжественной. В «Статейном списке» главы российского

посольства в Пекин (1726–1728 гг.) С.Л. Владиславича-Рагузинского читаем о том, что у ворот китайской столицы было выстроено до 8 тыс. войск, салютовавших из ружей. Однако все это не помешало властям рассматривать приезд представителей Российской империи как очередной привоз дани. В хронике правления Цинской династии появляется следующая запись: «Русский Чахан-хан [Белый царь] прислал посла Савву преподнести двору грамоту, поздравляющую его величество с восшествием на престол, и преподнести местную продукцию в качестве дани» (III, с. 509). После завершения церемонии встречи чиновники сопровождают гостей до отведенной им резиденции: «полномочный министр» и его свита разместились на посольском дворе, который вскоре китайские чиновники заперли и, «поставя кругом всего двора караул, наших людей спускать не велели» (III, с. 411). Опасаясь, что иностранцы получают сведения о нестабильности внутреннего положения Цинов и смогут использовать их в интересах своей дипломатии, маньчжурские власти старательно изолировали чужестранцев. Посол царя Алексея Михайловича в Пекин (1654–1657 гг.) Ф.И. Байков в свое время жаловался: «Русских людей з двора ходить не спукали; заперты были, что в тюрьме» (I, с. 97).

Отметим, что запрет касался не только русского посольства; под теми или иными предлогами и другим иностранцам нельзя было отлучаться из их резиденций. Пример стабильности китайских правил, в том числе и запретов, демонстрируют официальные власти и в XVIII в., запирая ворота русской посольской резиденции и прилагая к замку императорскую печать. Подобная практика также существовала и в Европе, и в нашей стране. Пребывание иностранных дипломатов в Москве затягивалось порой на несколько месяцев, и в течение всего времени, исключая дни аудиенций и переговоров, они постоянно должны были находиться у себя на подворье. Возможность контакта послов с населением, иностранными купцами и собственным правительством исключалась практически полностью. Делалось это для того, чтобы послы не могли узнать о каких-то изменениях в международной обстановке, что могло бы повлиять на их позицию в ходе переговоров. «В Москве следили, чтобы за рубежом не просочились какие-либо нежелательные сведения. Однако в полном объеме система «береженья» действовала во время войны с тем государством, откуда прибыло посольство. Послы же других государств пользовались относительной свободой» [3, с. 74–80].

В документальных свидетельствах российских дипломатов неоднократно говорится о том, что все прибывшие на российское подворье в Пекине содержались за счет «хозяев», причем «корма и питья было горозно довольно» (I, с. 291). Здесь, безусловно, авторы хотели подчеркнуть сходство посольских традиций двух государств, так как с момента встречи иностранных дипломатов всех рангов у рубежа Московского государства они переходили на полное государственное обеспечение продовольствием вплоть до пересечения ими границы в обратном направлении. Ограничение же содержания было знаком царского нерасположения, средством воздействия на послов. Полностью прекратить снабжение продовольствием было невозможно, так как это считалось уже нарушением самого посольского обычая, многие нормы которого покоились на представлении о после как госте государя. К подобным мерам давления прибегали и китайские чиновники.

Как известно, Ф.И. Байкову, нарушившему китайский дипломатический этикет, не предоставили даже подвод для царской казны, ему и его свите давали «корм» гораздо меньший и худший, чем сопровождавшим его торговым людям.

Специальное место в официальных «Наказах», вручаемых дипломатам, отводилось соблюдению принципа взаимной вежливости в вопросах церемониала. Российский посол должен был строжайшим образом следить за тем, чтобы его принимали точно так же, как при царском дворе принимают иностранных послов. «Самое большое дело – государскую честь остерегать», – говорилось в посольских «Наказах» [3, с. 154].

Подробнейшие дневники и отчеты Ф.И. Байкова, С. Аблина, Н.Г. Спафария наглядно показывают, насколько строго и жестко отстаивались ими интересы и честь Московского государства. Ставшее заметным к середине XVII в. усиление роли государства и личности государя было закреплено соответствующими статьями Соборного уложения. Закон 1649 г. подводил юридическую базу под особый статус монарха, подчеркивая, что преступление перед царем равнозначно преступлению перед государством. Последнее означало сакрализацию персоны государственного лидера и накладывало соответствующий отпечаток на всю (в том числе и дипломатическую) документацию, связанную с его именем. Весьма строго относились в Москве к вопросу о «прописках» в царском титуле. В случае любой неисправности в адресованной царю грамоте послы должны были настаивать на немедленном исправлении ошибки, а в противном случае – отказываться принять такой документ. Требование соблюдать полное наименование царского титула в посольском церемониале – убедительное свидетельство того, что российская дипломатия всегда ставила на первое место честь и достоинство своего государства, не позволяя ее каким-либо образом умалить.

Фиксированное повышение статуса российского царя повышало требования к нормам дипломатического протокола в его отношении. Это могло создать (и, как показала практика, создавало) известные трудности ритуального порядка во взаимоотношениях со Срединной империей того времени. Примером может служить провал дипломатической миссии в Китай (1762–1763 гг.) И.И. Кропотова, которого приняли в Пекине весьма благосклонно, более того, был объявлен указ китайского императора о разрешении русским купцам продавать товары по «вольной цене» и беспрепятственно покидать подворье во время их пребывания в Пекине. Пристав поставил также посла в известность о том, что ему оказана честь: «завтре в три часа пополуночи готовы были ехать с ханом на охоту, а после полудни позволено будет смотреть при дворе комедию». Однако через два часа после ухода пристава пришел переводчик русского языка Фулохе и сообщил «худую» весть о том, что присланный из Сената «Лист» переведен и, по его мнению, «мало добра... пророчествовать может» (цит. по [4, с. 101]). Изменения, происшедшие в отношении китайского двора к миссии И.И. Кропотова, были связаны с написанием титула «ея императорскаго величества» Екатерины Великой в документе, полученном из России заблаговременно. Ранее маньчжуры, переводившие с русского оригинала, «по всегдашнему обыкновению» титул оставляли без перевода. Таким же образом было сделано и теперь, поскольку опасались императорского гнева, «ежели он такой титул другому государю приписанной увидит, какова, кроме себя, никому иметь не позволяет». В этот

же раз богдыхан «возжелал оригинальной лист сам видеть, и для того не посмели титул, пропустя, подать» (цит. по [4, с. 102]). В таком небольшом, но достаточно ярком эпизоде из истории российско-китайских отношений проявилась специфика Цинской дипломатии.

По крупицам собиралась информация об императорском Китае и, как мозаика, складывалась в сложную картину. Далекое не сразу было осознано, что в этой стране между приемом иностранных послов у себя и отправкой собственных миссий в другие земли на шкале ценностей официальной политической доктрины пролегла огромная дистанция. Отъезд китайских послов, несмотря на соблюдение определенной торжественности, оставался будничным событием на прагматическом уровне. Приезд же иностранных послов оформлялся как некое мистическое действо с ярко выраженной ритуально-символической окраской. Получив мандат Неба на управление Поднебесной, император распространяет на весь окружающий его мир свое благотворное влияние – дэ. Таким образом, по мнению синоведа А.С. Мартынова, «внешний мир выступал в системе традиционных китайских представлений как объект устроительного воздействия императора. В результате «очищения сердец» варвары как бы переходили в новое состояние – состояние «искренности», которое диктовало им совершенно новые нормы поведения. Импульс, рожденный в варварах императором, обладал огромной силой и сообщал им способность преодолевать любые трудности. Кроме того, приезд послов оказывался как бы мерилем совершенства императора. С точки зрения авторов традиционной догматики, это было подтверждением легитимности государя» [5, с. 30]. Нарушение существующего порядка вещей вело к дестабилизации и разрушению размеренной жизни империи.

Исследуя российско-китайские отношения второй половины XVII – первой четверти XVIII в., стоит обратить внимание на то, что наши соотечественники «уже имели опыт осуществления как покровительственных, так и равноправных отношений с иными народами. Изначально местная сибирская администрация пыталась установить контакты с Китаем, отводя своему государству роль сюзерена. Однако эта позиция не была поддержана Москвой, и, накопив пусть минимальную, но все же достаточную для определения истинного статуса Китая информацию, она избрала иной вариант» [6, с. 112].

Для поддержания «чести» государя крайне важно было поведение русских дипломатов за рубежом. Оно строжайшим образом регулировалось целым сводом частных предписаний и общих правил. Отказываясь выполнять обряд «коутоу», Ф.И. Байков действовал в точном соответствии с данными ему в Москве инструкциями, видя в этом исполнение своего долга. Его непреклонность не следует расценивать как дипломатическую негибкость. «Он был тверд, так как ясно видел, что уровень, на котором пытаются принимать посольство в Пекине, совершенно не соответствует положению Русского государства», ведь переговоры с ним вели только приставы Лифаньюаня. Посол отличал их, конечно, от встречавшихся в столице представителей высшей маньчжурской знати – князей («бойр», как он их называет), приближенных императора и его родственников. Конечно, «Ф.И. Байков, московский дворянин, воевода, царский гонец к одному из великих восточных монархов, справедливо считал ниже своего достоинства обсуждать посольские дела с мелкими чиновниками. Поднять же уровень пере-

говоров Цинская дипломатия не считала нужным» [7, с. 101]. За мелочами этикета вставали вопросы политики государства, его идеологии, престижа верховной власти. Поведение Ф.И. Байкова можно, конечно, объяснить исключительным упрямством, которое, кстати, проявляли многие русские дипломаты в вопросах церемониала, и не только в Китае. В данном случае все же нежелание следовать предложенным формально-ритуальным нормам китайского протокола не было причиной осложнения установления связей Москвы и Пекина.

Царские «речи», адресованные иностранному монарху и переданные с послами или посланниками, должны были произноситься только от первого лица, воплощавшего в себе своего повелителя. В таких случаях, будучи заместителем государя, посол как бы становился им самим при произнесении «речей». Неоднократно возвращается к описанию своих споров с чиновниками Цинского двора о посольском церемониале в «Статейном списке» глава дипломатической миссии в Китай (1675–1678 гг.) Н.Г. Спафарий. С точки зрения этикета в «Наказах» обращалось внимание на то, чтобы иностранный государь собственноручно принял от посла царскую грамоту, равно как и сам передал ответную. Обладая богатейшим опытом, действуя в соответствии с обычаями дипломатии того времени и на основании данного ему предписания, посол категорически отказался показать или распечатать царскую грамоту, указав, что он направлен «посольство править перед бугдыхановым величеством», а не перед чиновниками. Если же грамоту у него попытаются забрать насильно (как это было сделано с И. Миловановым), то посол и служилые люди будут «до смерти оборонять государские грамоты» (I, с. 511). В Московском государстве также можно было столкнуться с подобной практикой.

Организационно-протокольная практика проведения визитов создавалась в течение не одного столетия. Стремление изменить порядок приема высоких иностранных гостей неизбежно вступало в противоречие с необходимостью соблюдать уже сложившиеся и принятые мировым сообществом протокольные нормы. Резкое отступление от правил международной вежливости могло не только «отравить» атмосферу любой встречи, но и нанести ущерб завязывающимся межгосударственным отношениям.

Кульминационным пунктом принятия посольства всегда была императорская аудиенция. Как видим из документов, С. Аблину удалось добиться в Пекине того, что вокруг посольства создалась дружественная атмосфера: гости из Московии трижды были приглашены на обед во дворец и находились в лучших условиях, чем, например, прибывший одновременно с ними караван бухарских купцов. В отчете мы находим интересную запись об императорском приеме. Когда С. Аблин и еще четверо его спутников, взяв с собой подарки, прибыли в императорскую резиденцию, то их принимали не в дворцовых помещениях, а в «роще», то есть где-то в парковой части дворцового комплекса. Цинские чиновники забрали подарки и сами передали их императору, гонец же русского царя и его спутники не были пропущены далее ворот дворца. Подарки были приняты в казну, но императору Сюань Е, очевидно, было любопытно самому взглянуть на прибывших гостей, поэтому через три часа последовало указание пригласить их к нему. Значимость этого факта необычайно велика: «произошло то, чего не удавалось достичь ни одной из предыдущих миссий, – прием

на специальной императорской аудиенции. Обращает на себя внимание в этом рассказе полное отсутствие каких-либо упоминаний о выполнении посольского этикета, принятого при Цинском дворе» [7, с. 105]. Вряд ли С. Аблин решился бы умолчать о ритуале «коуту» в своем отчете, ведь его действия контролировались его спутниками. Исследователь китайской дипломатической традиции В.С. Мясников считает, что прием в роше, а не во дворце не требовал соблюдения ритуала, который предназначался как бы для другого случая. Не последнюю роль для реализации этого обходного маневра Цинской дипломатии сыграла, возможно, воля императора и то, что С. Аблин не являлся «настоящим» послом. Сам император во время приема иностранных гостей интересовался здоровьем «Сеиткула со товарищи», приказал их «поить вином и обедать перед собою» и, что было самым важным для купцов, «торговать велел повольной». В дальнейшем, как показывает документ, это распоряжение строго выполнялось и «пошлин никаких не имали» (I, с. 291). Этот вопрос очень волновал торговых людей того времени, так как русские купцы в зарубежных странах были поставлены в очень тяжелые условия. Сохранились многочисленные жалобы и коллективные челобитные о конфликтах с местной администрацией, причиной большинства из них были именно таможенные пошлины. Условия же торговли в Китае были действительно, как показывает «Сказка», созданы благоприятные. У посольского двора, где шел торг, постоянно находились китайские чиновники, регистрирующие продажу и покупку товаров, и толмач, следивший за тем, чтобы покупатели не обманули купцов, предложив им на обмен свои некачественные товары или фальшивые деньги. Возможно, Цинская дипломатия, правильно определив, что главным мотивом стремления царского правительства к посольским связям является развитие торговли с Китаем, таким вниманием решила подогреть заинтересованность русской стороны.

Другой вариант торжественной аудиенции описан секретарем посольства Л.В. Измайлова (1719–1722 гг.) Л. Лангом, который благодаря жизненному опыту и знаниям правил европейского этикета, приобретенным за границей, превратился в прекрасного дипломата, обращающего внимание на тонкости и своеобразии восточной традиции, столь отличной от западного церемониала. Неудивительно, что российские путешественники воспринимали китайские вещи и самих китайцев как диковинку, но не надо забывать, и Л. Ланг также отмечает это, что знакомство с иноземцами вызывает у китайцев не меньше любопытства. Во время первой встречи в императорском дворце китайские аристократы и приближенные, ожидавшие появления своего правителя, устремили все свое внимание на послов. Л. Ланг пишет: «...один [из них] тянул парик, чтобы рассмотреть, каков он, другой – шляпу, некоторые поднимали платье, чтобы рассмотреть наши штаны и чулки» (II, с. 494). Надо отметить, что российская дипломатия всегда уделяла большое внимание внешним атрибутам посольского чина. Пышные одежды находившихся на приемах как в Москве, Санкт-Петербурге, так и в столицах иностранных государств послов должны были подчеркивать богатство и величие российских правителей. Костюмам первой половины XVIII в. были присущи величественность, торжественность, свойственная заимствованному из Франции стилю барокко. Зная это, можно предположить, что свита российского посланника представляла для китайцев довольно любопытное зрелище.

Л. Ланг отмечает учтивое обращение и приветливый прием, устроенный императором зарубежным гостям. Тактичные вопросы о здоровье и благополучии российского правителя, проделанном тяжелом путешествии из Петербурга в Пекин, европейских обычаях, корректное поведение китайских чиновников, подарки как знак внимания не могли не произвести благоприятного впечатления. Во время великолепного обеда император присылает послам изысканные кушанья со своего стола и неоднократно осведомляется, понравилась ли еда. Подобное расположение и великодушную заботу не стоит расценивать как знак исключительного внимания к нашим соотечественникам. Система церемонии принятия «данников», какими видели китайцы иноземцев, при пекинском дворе проходила всегда на высоком уровне, а система одаривания предусматривала «милости» императора, во много раз по стоимости превышавшие ценные дары, привозившиеся к его двору.

Подарок – неотъемлемая часть дипломатической практики каждого государства. Протокольные подарки («заморские дары»: уникальные изделия местных умельцев, дорогие меха, ткани, драгоценные камни, золотая и серебряная посуда, редкое оружие) выступают как символ поддержания хороших деловых контактов или благодарности за успешную совместную работу. При встречах и визитах глав государств, при отъезде дипломатических представителей после завершения своей миссии, а также в ряде других случаев предусматривается традиционный обмен ими.

Преодоление тягот многомесячного пути в Пекин еще не гарантировало успех торговой или дипломатической миссии. Ключом к сердцу Запретного города служили подношения, переданные китайскому императору в знак уважения правителем страны, отправляющей посольство в Цинскую империю. Л.В. Измайлов пишет, что от имени российского царя были преподнесены в дар зеркала в резных вызолоченных рамах, хрустальные часы с боем и большое число «соболей и другой мягкой рухляди [мех лисиц, песцов, горностаев]» (II, с. 229). Среди подарков можно было найти немало любопытных вещей: компас, математические инструменты, микроскоп, подзорные трубы, барометр, а также вырезанное из слоновой кости изображение Полтавской битвы. Шотландец на российской службе, включенный в качестве врача в дипломатическую миссию Л.В. Измайлова, Д. Белл упоминает, что «царь сам оное сделал, и украшено оно было весьма изрядною рамою» (II, с. 526). О необходимости такого шага в России уже знали. Опыт первого бесславного посольства послужил горьким примером. И. Петлин, посланный в Китай томским воеводой (1618–1619 гг.), не привез с собой ни царской грамоты, ни подарков от царского имени. Узнав о том, что люди из Русского государства прибыли ко двору минского императора без верительных грамот и подношений от их государя, чиновники императорского двора, ведавшие приемом иностранных посольств, не пожелали даже разговаривать с вновь прибывшими «западными варварами». Русские, имея громадный опыт общения с западноевропейскими дворами и государствами Ближнего Востока, очень точно отметили особенности сношения Китая с внешним миром. И. Петлин цитирует слова китайского чиновника: «А у нас де в Китайском государстве чин таков: без поминков перед царя нашево Тайбуна не ходят» (I, с. 83).

С течением времени российская дипломатия, изучив специфику китайской традиции, сочла необходимым пойти на определенные уступки. Как видим, представители посольств XVIII века в отличие от своих предшественников уже не были столь щепетильны в вопросах этикета и даже выполняли нелицеприятные ритуалы. В «Записках» Д. Белла мы находим следующие строки: «...церемониймейстер... велел всему собранию встать на колени и девять раз кланяться богдыхану. Мы хотели быть уволены от сего рода раболепия, но должны были, наконец, оному подвергнуться. Церемониймейстер делал приказы на маньчжурском языке, произнося слова “преклонитесь” и “встаньте”» (II, с. 524).

Что заставляет западноевропейских и российских послов точно следовать посольским традициям, принятым при Цинском дворе, совершать унижительный с точки зрения западной традиции XVIII в. ритуал «коутоу», заключающийся в бесконечных поклонах, падании ниц, коленипреклонениях во время аудиенции у императора? Спустя почти двести лет со времени описываемых событий известный русский исследователь китайской культуры В.П. Васильев дает этому факту следующее объяснение: «Китай может обойтись без иностранного привоза, но большая часть света не может обойтись без китайских произведений. Вот почему, когда Китай не знал страха и другие боялись помериться с ним силами, все державы искали благосклонности Пекинского двора, переносили не только унижения, но даже оскорбления» [8, с. 157]. В России уже знали, что тот, кто отказывался совершать эти «китайские церемонии», не получал аудиенции и немедленно высылался из столицы.

Подводя итог, следует отметить, что в середине XVII в. было положено начало взаимодействию двух сильных мировых цивилизаций, которые ранее на протяжении тысячелетий развивались практически автономно. Это было время, когда стороны собирали информацию друг о друге и пытались на этой основе выработать язык дипломатического поведения и взаимодействия. Противоречивость получаемых сведений рождала непонимание мотивов и целей партнера, способствовала возникновению настороженности, неприязни и, как следствие, самых разнообразных конфликтов. Процесс экспансивного расширения границ обеих империй неизбежно должен был привести к столкновению культур и мировоззрений, что во многом предопределило трудности и противоречия на пути становления системы российско-китайских отношений. Восприятие других стран и народов во многом зависит от культурных традиций, которые вырабатываются в ходе длительного периода развития «своего» общества, и оно всегда опирается на стереотипы, составляющие основу менталитета, специфичного у каждого народа. В связи с этим потребовалось немало времени, прежде чем российские политики осознали, что для поддержания прочных и плодотворных отношений со Средней империей необходимо выработать особую стратегию. Нельзя не принимать во внимание то, что характеристики, представленные путешественниками, часто не были однозначно положительными и свободными от влияния устоявшихся, общеевропейских по своему происхождению схем восприятия китайской традиции. С культурно-исторической точки зрения важно характерное для них вполне осознанное стремление понять и интерпретировать типологические особенности китайской духовной традиции.

Summary

Y.G. Blagoder. Russia and China: Practice of bilateral diplomacy (17th – 18th centuries).

The article regards the documentary testimonies of Russian travelers and diplomats of the 17th – 18th centuries about the initial stage of Russian-Chinese diplomacy practice formation. It is noted that in the period under investigation the international relations of two great world powers represented only mutual status defining and studying the value categories of each other. The article is based on notes, diaries, reports and other documents of the Russians who witnessed the events taking place in China in the period of dynasties Ming and Ching. The author characterizes the specific nature of political activity, ambassador etiquette, ceremonial, traditions and ethical standards of Russian and Chinese Empires.

Key words: diplomacy practice, Russian-Chinese relations, Russian embassies in Peking, diplomacy missions, I. Petlin, F.I. Baykov, S. Ablin, N.G. Spafariy, L.V. Izmaylov, S.L. Vladislavich-Raguzinsky, I.I. Kropotov, ritual “kou-tou”, audience of Chinese emperor, ambassador etiquette and ceremonial.

Источники

- I. – Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. – М.: Наука, 1969. – 612 с.
- II. – Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы (1700–1725 гг.). – М.: Наука, 1978. – 704 с.
- III. – Российско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы (1725–1727 гг.). – М.: Наука, 1990. – 668 с.

Литература

1. *Малявин В.В.* Книга путешествий. – М.: Наталис, 2000. – 399 с.
2. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. – СПб.: Искусство, 1994. – 395 с.
3. *Юзефович Л.А.* «Как в посольских обычаях ведется...» Русский посольский обычай XV – XVII вв. – М.: Междунар. отн., 1988. – 216 с.
4. *Саркисова Г.И.* Миссия российского курьера И.И. Кропотова в Китай в 1762–1763 гг. // Восток – Россия – Запад. Исторические и культурологические исследования. – М.: Наука, 2001. – С. 94–107.
5. *Мартынов А.С.* Значение приезда послов в императорском Китае // Народы Азии и Африки. – 1979. – № 1. – С. 27–39.
6. *Григорьева Е.А.* Российско-китайские отношения второй половины XVII – первой четверти XVIII века в контексте развития внешнеполитической доктрины империи Цин: Дис. ... канд. ист. наук. – Н. Новгород, 2000. – 240 с.
7. *Мясников В.С.* Империя Цин и русское государство в XVII веке. – М.: Наука, 1980. – 311 с.
8. *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. – М.: Вост. лит., 2001. – 488 с.

Поступила в редакцию
04.05.08

Благодер Юлия Гариевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и права Кубанского государственного технологического университета.
E-mail: *blagoder_1@mail.ru*